

RACHEL COHN
AND DAVID LEVITHAN

DASH
& LILY'S

BOOK OF DARES

ДЭВИД ЛЕВИТАН
РЭЙЧЕЛ КОН

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

ДЭША
ЧЛЙЛИ

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л36

Rachel Cohn and David Levithan
DASH & LILY'S BOOK OF DARES

Copyright © 2010 by Rachel Cohn and David Levithan

Перевод с английского *Нины Павлиной*

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

© Netflix 2020. Used with permission

Левитан, Дэвид.

Л36 Записная книжка Дэша и Лили / Дэвид Левитан, Рэйчел Кон ; [перевод с английского Н. Павлиной]. — Москва : Эксмо, 2021. — 288 с

ISBN 978-5-04-115658-9

Дэш ненавидит Рождество. Зато он любит книги и накануне рождественских праздников не вылезает из книжного магазина. На одной из полок он неожиданно находит красную записную книжку.

В ней таинственная незнакомка оставила несколько увлекательных головоломок.

Этой незнакомкой оказывается Лили. Новогодние каникулы она проведет в полном одиночестве и поэтому ищет друга.

Так началась захватывающая игра. Дэш и Лили решают загадки и делятся своими секретами в записной книжке, которую прячут в разных местах Нью-Йорка.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-115658-9

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается маме
настоящего Дэша*

Глава 1

ДЭШ

21 декабря

Представьте себе такое:

Разглядываете вы себе спокойненько полки в любимом книжном. Добираетесь до секции с книгами своего любимого автора и тут неожиданно находите между знакомыми корешками красную записную книжку.

Что вы сделаете?

Ответ, по-моему, очевиден.

Возьмете и откроете ее.

А потом выполните то, о чем вас в ней просят.

В Нью-Йорке стояли рождественские дни. По мне, так самое паршивое время года. Шумные сборища на улицах, бесконечные визиты злосчастных родственников, псевдовеселье, жалкие и безрадостные попытки развлечься — все это лишь усиливало мою давнюю неприязнь к общению с другими людьми. Стоило высунуть на улицу нос, как хотелось тут же забиться обратно в нору. Я не хотел «обрести спасение» от какого-либо «воинства». Мне всегда была по барабану вся эта чистота и незапятнанность Рождества. Я был

декабристом, большевиком, рецидивистом и филателистом: человеком, терзаемым странным желанием — быть тем, кем не являются все остальные. И я насколько возможно незаметно проскальзывал мимо неизменных спутников Рождества: пьяных компаний и иностранцев, пересекших полмира ради того, чтобы увидеть, как зажжется рождественская елка, и почему-то не осознающих, что это языческий ритуал.

Единственный светлый момент для меня в это темное время — рождественские каникулы (школы, наверное, специально закрывают для того, чтобы все смогли до тошноты набегаться по магазинам, а также обнаружить, что родственнички, как и мышьяк, хороши только в малых дозах... если вы, конечно, не хотите отбросить копыта). В этом году на Рождество мне удалось добровольно «осиротеть». Маме я сказал, что проведу каникулы с отцом, отцу — что с мамой. Оба отправились на отдых с любовниками, которых завели уже после развода. Мои родители лет восемь как не разговаривают друг с другом, тем самым облегчая мне жизнь. Снабдив их разной информацией, я, ничем не рискуя, выиграл для себя кучу свободного времени.

В их отсутствие я попеременно жил то в маминой, то в отцовской квартирах, но в основном торчал в «Стрэнде» — оплоте будоражащего количества знаний, не столько книжном, сколько скоплении десятков таких же книжных с полками протяженностью в мили. Служащие «Стрэнда», в обтягивающих джинсах и сдержанных рубашках, прогуливаются по секциям магазина неспешно и отстраненно, не обращая на тебя никакого внимания. Они смахивают на стар-

ших братьев и сестер, которые никогда не снизойдут до разговора с тобой, никогда не обратятся к тебе сами и вообще не будут тебя замечать, пока поблизости их друзья... а те всегда рядом. Есть книжные, которые выставляют себя чуть ли не домами культуры, как будто для того, чтобы продать тебе Пруста, нужно обязательно забачать мастер-класс по изготовлению печенек. В «Стрэнде» же ты всегда остаешься один на один меж двух противоборствующих сил: упорядоченности и хаотичности. И каждый раз побеждает последняя. Другими словами, это место — моя стихия.

Я приходил сюда не за чем-то определенным. Порой решал, что сегодня день какой-нибудь конкретной буквы, и рылся в секциях книжного в поисках авторов, чьи фамилии начинались с нее. В другие дни либо зависал в одной секции, либо изучал недавно пришедшие тома, еще не расставленные по алфавиту и сваленные кучей в корзины. А бывало, я просматривал книги лишь с обложкой определенного цвета. К примеру, зеленого — поскольку давно не читал книги с зеленой обложкой.

Я мог бы тусоваться с друзьями, но большинство из них проводило время со своими семьями или за приставками. Поэтому я предпочитал общество мертвых, умирающих и потрепанных книг. Мы их называем «потасканными», как никогда бы не назвали человека, если не хотим наругать. («Глянь на Клариссу... такая *потасканная* девчонка».)

Я, можно сказать, самый настоящий книжный маньяк, в чем запросто признаюсь кому угодно, а это в нашем обществе социально неприемлемо. И я нежно влюблен в слово «книжный», которое другие люди ис-

пользуют столь же часто, как слова «кореш», «солдафон» и «трезвенник».

В тот день я решил проверить, не появились ли с распродажи какой-нибудь библиотеки нестандартные издания книг моих любимых авторов. Точнее, автора (не буду раскрывать его имени, поскольку однажды, возможно, его разлюблю). Мой взгляд зацепился за красный корешок. А именно записную книжку «Молескин». Не из кожи и не дорогую — из тех, что покупают мои ровесники, предпочитающие бумажный блокнот электронному. Можно многое сказать о человеке по его выбору бумаги для письма. Я, к примеру, приверженец простых линованных блокнотов, так как не обладаю ни талантом к иллюстрации, ни микроскопическим витиеватым почерком, смехотворно крошечным для широкой линейки. Мои знакомые чаще всего выбирают блокноты с чистыми листами. И всего один мой друг, Тибо, пользуется блокнотами в клетку. Ну или пользовался ими, пока школьные консультанты не конфисковали его записи как доказательство того, что он вынашивал планы по убийству нашего историка. (Это правда!)

Никакой подписи на корешке записной книжки не было. Мне пришлось снять ее с полки и посмотреть на обложку. Спереди обнаружился наклеенный кусок малярного скотча со словами, написанными черным маркером: «РИСКНЕШЬ?» Открыв книжку, я увидел записи на первой странице:

Я оставила для тебя ключи к разгадке.

Если готов рискнуть, переверни страницу.

Если не готов, верни, пожалуйста, книжку на место.

Почерк был девчачьим. Это сразу видно. По всяким красивым завитушкам. Заинтригованный, я перевернул страницу.

Начнем, пожалуй, с французского пианизма. Понятия не имею, что это за зверь такой, но, думаю, книга про него вряд ли кому-то понадобится. Тебе нужен Чарльз Тимбрелл.

88/7/2

88/4/8

Не переворачивай страницу, пока не впишешь нужные слова в оставленные для них пробелы.

(Только прошу тебя, не пиши ничего в других местах записной книжки).

Слыхом не слыхивал о французском пианизме, однако если бы прохожий на улице (не иначе как в шляпе-котелок) спросил меня, пианистичный ли народ французы, я бы без колебаний ответил «да».

Поскольку «Стрэнд» я знаю лучше собственного дома (домов), то сразу понял, где искать нужное: в разделе музыки. Назвав автора, незнакомка дала мне фору. Она что, принимает меня за болвана, дурачка, простофилю? Хотелось бы чутка уважения от нее, прежде чем я смогу заслужить его делом.

Книгу я нашел достаточно быстро — достаточно быстро для того, у кого было в запасе четырнадцать минут. Она находилась там, где я и думал. Подобный экземпляр может чахнуть на полке годами. Издатель даже не удосужился привлечь читателя иллюстрацией. На обложке были написаны лишь название — «Французский пиа-

низм: историческая перспектива», имя автора — «Чарльз Тимбрелл» и чуть ниже: «Предисловие Габриэлы Казадезюса».

Сначала я решил, что первые цифры в записной книжке — это какая-то значимая дата для французского пианизма, однако не смог найти никаких упоминаний о 1988, 1888, 1788 или любых других годах, заканчивающихся на две восьмерки. Озадаченный, я крепко призадумался. Наконец, до меня дошло, что цифры незнакомки означают давнишнюю книжную мантру: страница, строка, слово. Я открыл восемьдесят восьмую страницу, нашел седьмую строку и второе слово, затем — четвертую строку и восьмое слово.

«скажи мне»

Сказать что? Ладненько, выясним. Я заполнил пробелы (аккуратно, стараясь не выходить за оставленное для меня место) и перевернул страницу.

Отлично. Теперь не жульничай.

Тебя что-нибудь смутило на обложке этой книги (не считая отсутствия иллюстрации)?

Подумай об этом, а потом переверни страницу.

Ну, это легко. Обычно на обложке не пишут про предисловие. Я перевернул страницу.

Если ты тоже обратил внимание на упоминание предисловия, то, пожалуйста, продолжай. Если нет, то верни книжку на полку.

И я снова перевернул страницу.

2. «Гламурная пышка — королева выпускного бала»
64/4/9
119/3/8

И никакого тебе имени автора. Задача потруднее.

Я подхватил «Французский пианизм» (мы как-никак сблизилась, не оставлять же его в одиночестве) и направился к информационной стойке. За ней сидел парень. Видок у него был такой, словно с кока-колой он нечаянно хватнул психотропного.

— Я ищу «Гламурную пышку — королеву выпускного бала», — заявил я.

Парень не ответил.

— Это не девушка, а книга, — пояснил я.

Ноль реакции.

— Хотя бы автора назвать можешь?

Он по-прежнему пялился в монитор, ничего не печатая.

— У тебя невидимые наушники?

Парень почесал внутреннюю часть локтя.

— Мы знакомы? — Черта с два я так просто сдамся. — Я что, бил тебя в саду, и ты теперь мстишь мне, получая от этого садистское удовольствие? Ты — Мелкий Стивен, да? Я тогда тоже был мелким и глупым, раз пытался утопить тебя в питьевом фонтане. Но ты сам напросился, испортив мой доклад. Я лишь ответил на акт неоправданной агрессии.

Парень наконец отреагировал на мои слова, показав лохматой головой.

— Значит, ты не Мелкий Стивен?

— Я не могу показать месторасположение книги «Гламурная пышка — королева выпускного бала», — снизошел он до объяснения. — Ни тебе. Ни кому-либо другому. И хотя я не Мелкий Стивен, тебе должно быть стыдно за то, как ты с ним обошелся. *Очень* стыдно.

Ладно, трудностями нас не испугаешь. Я попытался открыть на мобильном «Амазон», чтобы найти нужную книгу, но в магазине не ловилась связь. Мне подумалось, что «Гламурная пышка» скорее всего стоит в разделе художественной литературы (я бы сильно удивился, обнаружь обратное), поэтому направился туда и принялся осматривать полки. Безуспешно побродив меж стеллажей, вспомнил, что подростковая литература находится на втором этаже, и сразу пошел вверх. Там я первым делом начал выискивать розовые корешки. Все мои инстинкты кричали о том, что обложка «Гламурной пышки» ну никак не обойдется без капельки розового. И вдруг, о чудо, отыскал ее в секции с буквой «М»!

Я пролистал ее до нужных страниц и нашел:

«готов ли»

После чего открыл записную книжку.

А ты находчивый!

Теперь, когда ты нашел нужное в разделе подростковой литературы, я вынуждена уточнить:

Ты — парень-подросток?

Если да, то переверни страницу.

Если нет, то, пожалуйста, верни книжку туда, где нашел.

Я подходил по всем параметрам: мне шестнадцать, и у меня соответствующие половые признаки. Я вписал найденные слова в оставленные незнакомой пробелы.

Следующая страница.

Радости однополого секса (третье издание!)

66/12/5

181/18/7

Ну, тут хоть сразу понятно, где это искать. На полках раздела «Секс и сексуальность», куда заглядывают либо тайком, либо наигранно дерзко. Лично я бы побрезговал покупать подержанное руководство по сексу (не важно, однополому или разнополому). Наверное, поэтому и нашел на полках целых четыре экземпляра «Радостей». Открыл страницу шестьдесят пять, спустился взглядом до двенадцатой строчки и нашел пятое слово: «член».

Я перепроверил, правильно ли посчитал строку и слово.

Это что же у нас получается?

«Скажи мне, готов ли член...»?

Я не без содрогания пролистал руководство до сто восемьдесят первой страницы.

«Заниматься любовью молча, все равно что играть на беззвучном пианино: для практики неплохо, но зачем обделять себя, лишая потрясающей симфонии звуков?»